

ИСЛАМОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРЕДАНИЕ: ВВЕДЕНИЕ В ХАДИСОВЕДЕНИЕ

ДЖОН БЁРТОН

Москва — Санкт-Петербург
«ДИЛЯ»
2006

ББК 86.3
Б52

John Burton
AN INTRODUCTION TO THE ḤADĪTH

© John Burton, 1994
Edinburgh University Press Ltd
22 George Square, Edinburgh
reprinted 2001

First published by Edinburgh University Press
in 1994 as An Introduction to the Ḥadīth
by John Burton

*Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателей.*

Генеральный директор издательства «ДИЛЯ» И. С. Раимов

Научный редактор М. Г. Романов

Перевод С. А. Жданов, М. Г. Романов

Составление указателей М. Г. Романов

Б52 **Бёртон Дж.**
Мусульманское предание: Введение в хадисоведение / Пер. с англ. — СПб.:
«Издательство «ДИЛЯ», 2006. — 304 с.

ISBN 5-88503-461-3

Считается, что хадисы — это слова Пророка, которые бережно хранили в памяти его последователи и которые, в конечном счете, были записаны во II в. мусульманской эры.

Эта книга посвящена рассмотрению истоков идей, которые содержатся в хадисах и их сравнению с кораническими идеями, при этом особое внимание уделяется представлениям о посте, молитве, браке; рассматривается их трактовка в экзегетической литературе до того, как они вошли в правовые и ритуальные сочинения.

ISBN 5-88503-461-3
© Перевод «Издательство «ДИЛЯ», 2006
© «ДИЛЯ», 2006

ВВЕДЕНИЕ: ХАДИСОВЕДЕНИЕ

В собирательном значении *ал-хадис* представляет собой огромный корпус литературы, хранящий традицию мусульманской общины; этот корпус состоит из отдельных сообщений (высказываний и повествований), при этом каждое из них также называется *хадисом*. Вторым техническим термином, который используется фактически как синоним *хадиса*, является *сунна*, с которым, когда речь идет о содержании или теории традиции, соотносится термин Сунна — с заглавной буквы. Так, термин *хадис* применяется относительно сообщения, а термин *сунна* — относительно обычая, описанного в этом сообщении. Предполагается, что происхождение каждого хадисного сообщения подтверждается предваряющим его перечнем имен передатчиков, расположенных в порядке от более позднего к более раннему, которые ответственны за сохранение описанного в документе обычая (*сунна*) или же за его практику. Эта цепочка «поручителей», через которых документ передавался от поколения к поколению, называется *иснад* — «опора», на которой держится документ.

Вместе со Святым Кораном Сунна составляет основу, на которой зиждется мусульманская политическая, правовая и до-ктринальная мысль.

Современный человек, читающий мусульманскую литературу (появление которой датируется серединой II/VIII в.), сталкивается с ситуацией, когда предполагается, что любой важный религиозный или правовой вопрос должен решаться на основе Корана либо Сунны. Коран — Книгу Божью, — которая раздел за разделом ниспосыпалась Пророку на протяжении более чем двух десятилетий его публичной проповеди сначала в Мекке (610–622 гг.), а потом в Медине (622–632 гг.), для целей нашего исследования

Мусульманское предание: введение в хадисоведение

можно взять в качестве «аксиомы».¹ Основным же предметом будет Сунна — второй источник мусульманской мысли в том виде, в котором он представлен в хадисной литературе.

Основы современного западного хадисоведения, как исследования феномена *хадисов* в целом, были заложены венгерским исламоведом Игнацем Гольдциером в работе «Мухаммаданские исследования» (1889–1890);² позднее, немецкий ученый Йозеф Шахт посвятил исследованию природы и «истоков» *хадисов* монографию «Истоки мухаммаданской юриспруденции» (1950).³

И. Гольдциер поставил под сомнение предполагаемую принадлежность большинства *хадисов* эпохе Пророка; Й. Шахт, который анализировал определенный пласт *хадисов*, а именно те, которыми мусульманские правоведы (*фукаха'*, ед. ч. *факих*) оперировали в своих дискуссиях и спорах, заявил, что результаты его исследований в целом подтверждают скептицизм И. Гольдциера относительно наличия реальной исторической связи *хадисов* не только с личностью Пророка, но и с его эпохой. Значительное достижение работы Й. Шахта заключается в том, что он показал, как сами мусульмане не говорили сколько-нибудь систематично и последовательно о наличии такой связи, пока в конце второй половины II/VII в. она не стала ключевым звеном в полемике знаменитого правоведа аш-Шафи‘и (ум. в 204/819 г.). Это открытие, однако, касается лишь области семантических проблем изучения *хадисов*. Факт, что концепция «сунны Пророка», как неотъемлемого элемента интеллектуального багажа каждого авторитетного мусульманского ученого мужа, существует только со временем аш-Шафи‘и, мало что нового добавляет в обсуждение проблемы происхождения и природы «Сунны мусульман» (или просто Сунны) к тому, что уже было привнесено в хадисоведение И. Гольдциером.

¹ Корану и коранистике посвящена книга, также изданная в серии «Исламоведческие исследования» (Islamic Surveys, Edinburgh University Press): *Bell R., Watt W.M. Introduction to the Qur’ân*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1970 (first published); это уже ставшее классическим введение в коранические штудии переведено на русский язык и издано: Белл Р., Уотт У.М. Коранистика: введение. Пер. с англ. СПб: «Издательство «Диля», 2005. — (прим. ред.).

² *Goldziher I. Muhammedanische Studien*. Halle, B. I (1889), B. II (1890).

³ *Schacht J. The Origins of Muhammadan Jurisprudence*. Oxf., 1950.

Вряд ли можно оспорить заключение И. Гольдциера, которое он дал относительно понимания мусульманами термина Сунна:

Благочестивые последователи Пророка с благоговением повторяли вдохновенные высказывания своего наставника и стремились сохранить с целью назидания и наставления общины все, что он произнес в приватной обстановке и на людях о выполнении религиозных обязанностей, предписанных им самим, об образе жизни в целом, о поведении в обществе, как относительно прошлого, так и относительно будущего. Когда же череда завоеваний завела их в далекие земли, они стали передавать *хадисы* Пророка тем, кто не слышал их непосредственно от Пророка; после смерти Пророка они добавили немало благочестивых высказываний, которые, как они считали, находились в соответствии с его воззрениями (а, поэтому, вполне могли быть приписаны ему) или в правильности которых они в целом были убеждены.⁴

Материал, о котором здесь шла речь, стал «основным содержанием» *хадисов*, количество которых, как отметил И. Гольдциер, «значительно возросло при последующих поколениях».⁵

Самое сильное впечатление на исследователя огромного корпуса *хадисов* произвели явные расхождения по огромному количеству частных вопросов. Указывая на этот хаос мнений относительно большинства политических, правовых и религиозных проблем, обсуждаемых на страницах источников, а также на «значительное возрастание» количества *хадисов* «при последующих поколениях», И. Гольдциер попытался объяснить феномен *хадисов*, как естественное последствие появления бесчисленных групп мусульман, которые в стремлении воплощения своих политических, богословских и правовых программ прибегли к использованию Традиции как самого естественного орудия в борьбе за поддержку общины, члены которой с искренним благоговением относились к авторитетным личностям своего недалекого героического прошлого. Отсюда и *иснад* — способ, при помощи которого любому

⁴ Goldziher I. Muhammedanische Studien. (Ссылка на английский перевод: Goldziher I. Muslim studies. Tr. by C.R. Barber and S.M. Stern, George Allen and Unwin, 1971, vol. 2, p. 18).

⁵ Loc. cit.

Мусульманское предание: введение в хадисоведение

высказыванию политического или богословского характера можно было достаточно просто придать дополнительный вес, приписав его авторство тому или иному мусульманину великого поколения, представители которого были свидетелями ниспослания Корана и получили разъяснения мусульманских обычая из уст самого Пророка.

Конечно же, как мы в дальнейшем увидим, ссылка на источник *хадисов* является самым спорным аспектом по двум причинам: во-первых, авторство идентичных высказываний приписывается самым разнообразным людям, от имени которых предположительно передавалась эта информация, а во-вторых, что более важно, противоположные и несовместимые элементы информации обыкновенно приписывались одному и тому же историческому персонажу, даже самому Пророку. Однако ссылка на источник сама по себе является существенным по своей значимости действием и составляет неотъемлемую часть концепции Сунны. Это объясняет, почему авторство стало ахиллесовой пятой *хадисов*. Приписывание взаимоисключающих высказываний некоторым современникам Пророка или же полностью несовместимых заявлений одному и тому же современному подорвало веру современного читателя в достоверность *хадисов* в целом, а в случае с И. Гольдциером и Й. Шахтом, что вполне понятно, привело к открытому скептицизму, порой даже чрезмерному, относительно существования исторической связи *хадисов* со сподвижниками Пророка. Следствием подорванной веры в подлинность мусульманского Предания стало подозрение, что информация, передаваемая в противоречивых *хадисах* (а, в конечном счете, и во всех *хадисах*), отражала лишь точку зрения какого-то отдельного ученого мужа или определенной группы ученых мужей, которые сознательно вкладывали свои идеи в уста авторитетных мусульман прошлого с тем, чтобы обеспечить видимость их подлинности и тем самым увеличить вероятность более широкого признания своих воззрений. Согласно такой позиции, *хадисы* были оружием в диспутах, которым владели все спорящие стороны, даже, согласно И. Гольдциеру, представители правящей династии (и не только в злободневных политических вопросах). И. Гольдциер мог привести достаточно примеров с тем, чтобы доказать свое положение о том, что:

в истории ислама не было таких ожесточенно обсуждаемых спорных вопросов ни в области политики, ни в области вероучения, на которые бы приверженцы различных взглядов не могли бы привести немалое количество *хадисов*, при этом каждый был бы снабжен впечатляющим *иснадом*.⁶

Не испытывал он сложностей и в том, чтобы привести немалое количество примеров для иллюстрации того, как *хадисами* злоупотребляли представители правящей династии, а также их соперники и противники среди ши'итов, хариджитов, 'Аббасидов и других группировок, боровшихся за влияние и главенство. Впечатление от свидетельств, выбранных И. Гольдциером из источников, усиливают и другие примеры подобного рода: *хадисы*, в которых подчеркивается особый статус городов и провинций, ставших частью мусульманского мира лишь спустя значительный период после смерти Пророка; или же в которых восхваляются или проклинаются люди, жившие уже после Мухаммада, или религиозно-политические группировки, появившиеся также после его смерти.⁷

Вне всяких сомнений *хадисами* злоупотребляли, однако более значим факт, который подчеркивается этим обстоятельством, а именно: в надежде обеспечить более широкое признание пропаганда учений различных религиозно-политических группировок принимала форму *хадисов*. Если лицемерие заключается в поверхностном подражании манерам людей благочестивых, а фальшивая монета свидетельствует о существовании монеты настоящей, то тогда и псевдо-*хадисы* имитируют *хадисы* подлинные, в противном случае и имитация, и подражание бессмысленны.

Мусульмане достаточно скоро осознали риск и опасность, которым они ежедневно подвергаются из-за своей зависимости от *хадисов*, а также из-за надежды на то, что вся важная информация должна передаваться и распространяться в форме *хадисов*; к сожалению средства, посредством которых можно было оберегаться от этой осознаваемой всеми угрозы, появлялись медленно, а когда же, наконец, появились (при этом все в основном касались проверки *иснада*), то были слишком субъективными. Однако далее мы увидим примеры того, как отвергалось и содержание *хадиса* вне

⁶ Goldziher I. Op. cit., p. 44.

⁷ Loc. cit., ch. 3.

Мусульманское предание: введение в хадисоведение

зависимости, предваряет его *иснад* или нет. Ученые мужи могли отвергнуть чем-то не понравившийся им *хадис*, обосновав это тем, что некоторые передатчики при его передаче допустили ошибки. К тому же, как бы то ни было, процедура проверки *иснада* стала определенным анахронизмом, так как наиболее ранние сочинения, дошедшие до нас, ясно свидетельствуют о том, что вплоть до второй половины II в. х. мусульманские ученые мужи не придавали *иснаду* большой важности, а когда же они стали наделять его особой значимостью, у них ушло слишком много времени на то, чтобы выработать и усовершенствовать необходимые средства.

Хадисы широко использовались в качестве доводов, что, по всей видимости, уже не было новшеством, к тому моменту, как их публично стали использовать благочестивые 'Аббасиды, елейно и нарочито демонстрировавшие свою официальную поддержку развитию религиозных наук и выказывавшие свое расположение ученым мужам. Исследование И. Гольдциера открыло путь к современному подходу в изучении феномена *хадисов*, однако теперь можно сказать, что оно отражает представления об умайядском периоде, распространенные в его время. Необходимо отметить и излишне эмоциональный и, откровенно говоря, уничижительный характер его изложения. Принять хотя бы во внимание, насколько часто в своем действительно проницательном анализе он говорит об обмане и говоре, употребляя такие слова, как «мошенничество», «подделка», «новшество», «фальсификация» и даже «ложь».⁸

К тому же, недостатком подхода И. Гольдциера является снисходительный тон, присущий в целом эпохе уверенного политического и научного превосходства Запада, в атмосфере которого воспитывался и обучался исследователь, однако его либеральные инстинкты выдают его: он слишком легко принял на веру рассказы о безбожности и религиозном безразличии «надменных» аристократов умайядской династии «королей», передаваемые их политическими противниками.

Несомненно, справедливо утверждение И. Гольдциера относительно того, что во время первой волны завоеваний «в Медине не существовало готовой системы, так как даже там новый порядок

⁸ Goldziher I. Op. cit., p. 44, 51, 78 — фальсификации; p. 49, 81, 106 — подделка; p. 44, 49, 52, 78 и далее — выдумка; p. 54 — подлог; p. 55 — ложь; p. 87 — вымысел; p. 126 — мошенничество.

находился еще в процессе становления»,⁹ а также то, что он обратил внимание на «“необъяснимое” отсутствие определенного курса в сфере религиозных дел на завоеванных мусульманами неарабских территориях в I в. мусульманской эры»,¹⁰ однако, современный читатель может заподозрить его в некоторой нечестности, когда он утверждает, что:

правящие круги мало сделали для достижения консолидации в религиозных вопросах. Умайядские правители и их наместники — а о них вряд ли можно сказать, что они были озабочены проблемами ислама — не были людьми, которые стали бы содействовать организации религиозной и социальной жизни в соответствии с Сунной.¹¹

Благочестивые же мужи той эпохи так не считали; это следует из множества *хадисов*, которые, что мы сможем продемонстрировать даже в рамках нашей небольшой работы, указывают как раз на обратное — на достаточно живой интерес, который проявили в делах веры и религиозных наук несколько представителей правящего дома, а также немалое количество умайядских чиновников, как высокопоставленных, так и нет.

В своей оценке противоположных течений, представленных приверженцами «личного суждения» (*асхаб ар-ра'й*) и «сторонниками Предания» (*асхаб ал-хадис*), И. Гольдциеру не удалось скрыть и свое предпочтительное и несколько романтическое отношение к «свободному умозрительному рассуждению» в противоположность «раболепной» приверженности Сунне. Как показал Й. Шахт, приверженцы «личного суждения» были столь же усердны в собирании *хадисов*, как и их противники, которых они вероятно даже опередили в деле развертывания знамени «сунны Пророка».

И. Гольдциер особенно подчеркивал атмосферу невежества и неопределенности в ритуальных и правовых вопросах, которая царила в I в. мусульманской эры. Вполне вероятно, что наши собственные исследования покажут, что те же самые или подобные свидетельства предполагают скорее отсутствие всеобщего консенсуса и определенной степени несогласия среди мусульман по целому

⁹ Loc. cit., p. 38.

¹⁰ Loc. cit.

¹¹ Loc. cit.

Мусульманское предание: введение в хадисоведение

ряду таких вопросов. Поэтому мы считаем, что говорить следует об «отсутствии согласия», а не об «отсутствии интереса», который, согласно И. Гольдциеру, был причиной колебаний, явного отсутствия решительности и неспособности достичь единодушия в делах веры. Степень несогласия среди мусульман, иной раз по самым мелким вопросам, свидетельствует о значительном интересе к ритуальным и правовым вопросам, которые занимали умы бесчисленных ученых мужей. Явное отсутствие согласия в хадисах по широкому ряду вопросов, как уже было отмечено, производит значительное впечатление на человека, решившего познакомиться с мусульманской Традицией. Однако несогласие на этой чаше весов предполагает скорее нечто противоположное отсутствию интереса к вопросам веры. Это предполагает наличие целого ряда более ранних доводов, следствием чего и становились различные ответы. Неопределенность может указывать не на недостаточность, а на избыток информации. Так что может оказаться, что мы «читаем символы» не так, как И. Гольдциер.

Предыдущие поколения не проделали работу достаточную, чтобы заложить основу, на которой можно было бы построить систему мусульманского права. По большинству элементарных вопросов не было твердо установленных норм даже в пределах одной мусульманской провинции. Представители поколения «последователей» (*ам-таби'ун*) временами были неуверенны даже в коранических установлениях, хотя никто никогда не ставил под сомнение неприосновенность этого столпа религиозного закона. 'Абд Аллах, сын Абу Хурайры, спросил сына 'Умара, дозволено ли употреблять в пищу выброшенную морем рыбу. Ученый муж, которому был задан вопрос, думал, что должен дать строго отрицательный ответ, однако вскоре после этого он попросил принести ему Коран и нашел отрывок (5:97), из которого был вынужден заключить, что дал неправильный ответ сыну Абу Хурайры.¹²

Но даже этот пример не является самым простым. Из того источника, которым в данном случае пользовался И. Гольдциер, становится ясно, что речь идет не об обычной ссылке на Коран, но

¹² Goldziher I. Op. cit., p. 77–78.

подразумевается некоторый анализ его установлений для того, чтобы найти ответ на поставленный вопрос. Среди ученых, интересовавшихся этим вопросом, кроме сына 'Умара, мы можем назвать 'Абд Аллаха б. 'Амра, Зайда б. Сабита, Марвана б. ал-Хакама (умайядского принца!) и Абу Хурайру (странны, что в приведенном примере сын обратился не к отцу). Все эти люди упоминаются в *хадисах*, посвященных толкованию тех или иных откровений Корана. Малик (ум. в 179/796 г.) приводит также вложенный в уста Пророка *хадис*, разъясняющий ситуацию.¹³

Рассуждая подобным образом, И. Гольдциер пришел к выводу, что еще большая неопределенность окружает вопросы и проблемы, о которых ничего не было сказано в Коране (так, в спорах о том, могут ли мусульмане есть конину или нет, приводились самые противоречивые сведения). «В то время люди ничего не знали даже о самых простых запретах пищи». Однако Малик, на которого И. Гольдциер в данном случае не ссылается, утверждает, что наиболее весомым из всех услышанных ему кажется утверждение о том, что конину есть нельзя, потому что:

говоря о трех видах животных, Бог сказал, что на них можно ездить и что они могут быть для украшения, но не сказал, что их можно употреблять в пищу (16:8); с другой стороны, в айате 16:5 говорится о том, что Бог создал скот, помимо прочего, и для того, чтобы люди питались мясом.¹⁴

Разбирая различные лексические единицы коранического текста, Малик по сути занимался экзегетикой (*тафсир*). Обратим внимание на то, что Малик дает отрицательный ответ лишь постольку, поскольку не находит в Коране утверждения; при этом он не ссылается ни на какой *хадис*. Рассуждая о том же вопросе, И. Гольдциер ссылается на Абу Да'уда; нужно сказать, что особый интерес вызывает сам тип *хадисов* Абу Да'уда, формы выражений которых целиком воспроизводят формы выражений Корана. Другими словами, *хадисы* оказываются определенным видом экзегезы; мы также должны обратить внимание на то, что противоположные взгляды приписываются разным сподвижникам Пророка.¹⁵

¹³ Малик б. Анас. ал-Муватта'. Каир 1348/1929, том 1, с. 326.

¹⁴ Там же, с. 327.

¹⁵ Абу Да'уд ас-Сиджистани (Сулайман б. ал-Аш'ас). Сунан. Каир, с. 142.

Противоречия хадисов объясняются различиями в толковании коранического текста; отсюда разумно предположить, что хадисы отражают два различных этапа развития письменной традиции. Абу Да'уд умер в 275 г. х., т. е. почти через сто лет после смерти Малика б. Анаса. Каждый из них занимался чисто теоретическими вопросами.

Описывая эпоху правления Умайядов, И. Гольдциер предположил, что деятельность благочестивых людей была

далека от реальности. В те времена, когда наиболее религиозные мусульмане были удалены от власти, они, как раввины во времена римского владычества, посвятили себя изучению закона, никак не связанного с реальными обстоятельствами жизни, но представляющего закон идеального, по их мнению, общества. Самые набожные считали людей, занимавшихся такими исследованиями, своими духовными наставниками, а некоторые даже обращались к ним за советом *in casu conscientiae*. Не обращая внимания на то, что происходило вокруг, затворники-ученые создали сунну Пророка, которая должна была стать основой права и законотворчества истинного мусульманского государства. Сподвижники Пророка, те, кто еще был жив, снабжали ученых исходным материалом — содержанием и объектом их исследовательских усилий.¹⁶

Именно так. Труды этих ученых никак не были связаны с реальностью.

Время от времени И. Гольдциер возвращался к вопросу противоречия различных хадисов.

Лишь допустив, что в эпоху раннего ислама не были определены даже самые элементарные понятия, мы сможем объяснить тот факт, что в ответах на большинство вопросов, связанных с самыми элементарными моментами повседневной жизни, существует столько неясностей и колебаний. Не сделав такого допущения, очень трудно понять, каким образом во II в. мусульманской эры оказалось возможным возникновение различных богословско-правовых учений, позднее оформленных в мазхабы, внутри которых также не удавалось

¹⁶ Goldziher I. Op. cit., p. 42.

достичь единодушия, и богословы были вынуждены одновременно признавать противоречащие друг другу мнения одинаково справедливыми¹⁷

и

невозможно говорить о единой Сунне даже на самых ранних этапах ее развития, поскольку очень часто одинаково верными признаются *хадисы*, противоречащие друг другу; такие *хадисы* возникали для придания большего веса взглядам той или иной школы ученых.¹⁸

И. Гольдциер утверждал, что *хадисы* «изобретались» для обоснования взглядов различных ученых. «Изобретались» они и для придания веса местным традициям и сложившейся практике.

Четкой основы решения правовых вопросов не существовало; с неизбежностью сложилась такая ситуация, при которой для решения одного и того же вопроса «изобретались» иногда взаимоисключающие *хадисы*, отражавшие мнения различных правоведов и богословов; бывало и так, что из числа ранее собранных *хадисов* выбирались наиболее подходящие. Такие *хадисы* подкрепляли мнение определенного ученого мужа или же уставившийся обычай.¹⁹

Мы уже обращали внимание читателя на те слова, которыми пользовался И. Гольдциер. Мы должны понять, что он не считал «изобретение» *хадисов* печальным результатом самообмана благочестивых ученых. И. Гольдциер скорее говорил о сознательной «фабрикации», обмане ничего не подозревающих простых мусульман с одной простой и вполне земной целью — обеспечить всеобщее признание взглядов и идей, родившихся в небольших кружках ученых, интересовавшихся богословием, правом или политикой. По-видимому, венгерский исламовед не пытался «реабилитировать» даже малую часть мусульманского Предания. Однако существовало ядро *хадисов*, состоящее из сообщений, восходящих к поколению Пророка. Арабы-завоеватели, заселявшие новые земли, распространяли эти рассказы по всем уголкам непрерывно растущего государства. Ядро *хадисов* составил «основной материал

¹⁷ Loc. cit., p. 78.

¹⁸ Loc. cit., p. 85.

¹⁹ Loc. cit., p. 81.

Мусульманское предание: введение в хадисоведение

Предания, многократно увеличившийся при последующих поколениях». Некоторые самые ранние *хадисы*, безусловно, передавались из поколения в поколения, но

в отсутствие документальных свидетельств было бы слишком поспешно пытаться определить, какие части Предания действительно восходят ко времени жизни Пророка. Близкое знакомство с огромным корпусом хадисной литературы скорее вызывает скептическую настороженность, нежели полное оптимизма доверие. Мы не можем разделить мнение Дози и продолжать относиться к большей части *хадисов* с таким же доверием, как и он; для нас мусульманское Предание есть результат религиозного, исторического и социального развития новой религии в течение двух первых веков с момента ее возникновения. *Хадисы* — это не источник истории раннего ислама, но они отражают те тенденции, которые возникали в общине мусульман на первоначальных этапах ее развития. *Хадисы* содержат ценные сведения о развитии ислама в то время, когда эта религия определяла сама себя, формируясь в результате борьбы различных групп. Все это делает особенно значимым изучение мусульманского Предания: самые важные этапы развития ислама сопровождались созданием новых *хадисов*.²⁰

В последнем предложении сформулирована блестящая догадка, высоко оцененная Й. Шахтом. Й. Шахт часто высказывал сожаление о том, что многие последователи И. Гольдциера, принимая на словах его метод, сводили его к нулю на практике, пытаясь добиться хоть каких-либо положительных результатов. Проницательность И. Гольдциера заслуживает высочайших похвал. Благодаря ему оказалось возможным объяснить многие противоречия и недоразумения, с которыми сталкивается каждый, кто приступает к изучению хадисной литературы. Тем не менее невозможно избавиться от некоторой неловкости, принимая другое предположение венгерского ученого о том, что благочестивые и набожные ученые мужи, с благоговейным трепетом относившиеся к предмету своих штудий, все же постоянно прибегали к фальсификациям и подлогам, отстаивая свою точку зрения, и при этом с негодованием

²⁰ Goldziher I. Op. cit., p. 19.

относились к тем, кто проявлял небрежность в своих трудах. Многие из этих ученых мужей были людьми безукоризненной честности и искренне считали, что их задача — четко определить установленные Богом и данные в откровении законы, показав людям путь к спасению. Сознавая серьезность задачи, они постоянно прислушивались к голосу совести, что делало их порой резкими до нетерпимости; в хадисной литературе это отразилось во множестве споров, постоянно возникавших из-за вопросов, которые современному читателю могут показаться бессмысленными. Однако для правоверного мусульманина каждая деталь, каждая подробность, какой бы не значительной она ни представлялась, в буквальном смысле определяла путь к вечной жизни. Имея дело с мусульманским Преданием, мы никогда не должны забывать об этом.

В своей книге И. Гольдциер писал:

Для истории культуры правовые *хадисы* менее важны, чем те, в которых вопросы религии вплотную связаны с политическими вопросами.²¹

Автор другого знакового исследования мусульманского Предания посвятил свой труд правовым вопросам, которые были предметом споров мусульманских законоведов. Й. Шахт писал, что:

священное право ислама скорее представляет собой всеохватывающую совокупность предписаний, нежели систему законов в обычном смысле; оно включает в себя в равной степени как основополагающие религиозные и культовые предписания, так и политico-правовые (в более узком смысле) установления.²²

Тем не менее в цитированной работе больше всего внимания он уделил именно правовым вопросам. Такой выбор темы был обусловлен практическими потребностями; кроме того, он был оправдан и с точки зрения исторического развития, поскольку содержание правовых установлений в эпоху раннего ислама

не было связано с Кораном или другими мусульманскими источниками; правовые вопросы лежали вне сферы религии

²¹ Loc. cit., p. 89.

²² Schacht J. Origins of Muhammadan Jurisprudence. Oxford, 1950, p. v.

Мусульманское предание: введение в хадисоведение

и лишь частично стали ее частью, сохранив свой особый характер. Но все же четкую границу провести здесь трудно.

Используя термин «мусульманское право», Й. Шахт просит читателя не забывать, что под этим он понимает любые вопросы и установления, являющиеся частью священного права ислама.²³

Здесь и возникает основная трудность: необходимо понять, что же подразумевают под термином «мусульманское право» европейские исследователи. Говоря о праве ислама, Й. Шахт, без сомнения, подразумевал *фикх*; показав, что он осознает объем этого понятия, исследователь решил ограничиться «собственно правовыми» вопросами; самая большая опасность здесь заключалась в том, чтобы не начать рассматривать *фикх* как рациональную, созданную человеком систему. И. Гольдицер, как и Й. Шахт в первой из двух приведенных выше цитат, четко сформулировал понятие *фикха*. Он писал:

Фикх, как и юриспруденция Древнего Рима, представлял собой *rerum divinarum atque humanarum notitia*. В самом широком смысле он был связан со всеми аспектами общественной и частной жизни, религией, политикой, бытом. Он включал в себя установления, определяющие религиозные обряды и ритуалы (*‘ибадат*), семейное, наследственное право, правила ведения финансовых дел — словом, положения, регулирующие жизнь общества (*му‘амалат*), уголовное и государственное право, правила ведения войны и управления государством. Так, считалось, что все стороны общественной и частной жизни должны регулироваться законами, признанными религией; наука об этих законах и называлась *фикхом*.²⁴

«Должны регулироваться законами, признанными религией» — нельзя более кратко определить причину возникновения *фикха*. *Фикх* не есть право. Это экзегетика, стремящаяся им стать.

Буквально термин *фикх* означает «понимание». Как видно из примеров употребления этого слова в Коране, объектом «понимания» чаще всего является речь, прежде всего речь Пророка. *Фикх*, следовательно, означает «понимание того, что было ниспослано

²³ Shacht J. Op. cit.

²⁴ Fikh // Encyclopaedia of Islam. 1st ed. Leiden, 1913.

Богом через Его посланника». Более узкий смысл слова *фикх* может быть понят из *айата* 9:122, где говорится о терпеливых попытках достичь понимания многих обязанностей, возложенных на каждого мусульманина Богом в Его откровении, запечатленном в Коране. Одной из самых важных обязанностей современников Мухаммада, согласившихся совершить с ним *хиджру*, было участие в войнах.

Не следует в военные походы выступать верующим всем до единого. От каждого отряда часть должна остаться позади, дабы усердием своим достичь глубокого понимания веры, и тогда, на обратном пути, своим племенам они смогут разъяснить многие вопросы.

И. Гольдциер указывал и на необходимость различия терминов '*ильм*' и '*фикх*', первый из которых обозначал знание Корана, его толкований, а также решений по правовым вопросам, предложенных Пророком и его сподвижниками (ядро Предания); второй же термин обозначал попытку систематизации того, что не всегда было явно дано в двух основных источниках: Коране и Сунне. Объектом '*ильма*' является то, что дается Богом; объектом '*фикха*' — то, что извлекается из этого человеком. Утверждения различных ученых мужей ('*ильм* → '*улама*', '*фикх* → '*фукаха*') касательно Божественных установлений Корана и их отражений в сообщениях о словах и поступках Пророка, обычно оценивались исходя из близости времени жизни этих ученых мужей ко времени жизни Пророка. *Ра'й* ученого мужа, его обоснованное *opinio*, рассматривалось как приемлемое в зависимости и от того, насколько он учел все, что содержится в Коране или Сунне. В идеале *ра'й* должен строго соответствовать зафиксированным источникам. Следовательно, задача ученого мужа заключалась исключительно в их правильном истолковании.

Единичное толкование *айата*, основанное на лингвистических или логических представлениях, не может считаться обоснованным. Это есть осуждаемое личное суждение (*ра'й*), противопоставленное *opinio*. Лишь Пророк и свидетели его слов и поступков могли полностью понять значение Божественных откровений. Современники Пророка отличались от обычных людей не только блестящим знанием арабского языка, но еще и тем, что

Мусульманское предание: введение в хадисоведение

были осведомлены, при каких обстоятельствах были ниспосланы те или иные Божественные установления, они присутствовали в те моменты, когда Пророк впервые применял эти установления; все это позволяло им выносить решения по вопросам веры и фикха. Таким образом, переданное ими является одним из самых надежных источников толкования священных текстов.

Отрицая то, что большая часть собственно правовых установлений была выведена непосредственно из Корана, Й. Шахт, тем не менее, вряд ли недооценивал его роль, в особенности на ранних этапах развития права. Упомянутая выше работа Й. Шахта посвящена теории права, в частности, роли Предания в формировании этой теории. Рассматривая *хадисы*, ученый муж обращал внимание прежде всего на их атрибуцию, подробно анализируя как содержание, так и *иснады*.

Одним из важнейших результатов работы Й. Шахта был вывод о том, что первым законоведом, обосновавшим статус Сунны как примера поступков Пророка, был аш-Шафи‘и. До него Сунна не всегда связывалась с личностью Мухаммада, и даже более того, с личностями его сподвижников и последователей.

В своем исследовании Й. Шахт показал, что проблема установления авторства *хадисов* возникла как нечто новое на одном из этапов многолетних споров, шедших между общинами мусульман Ирака и Хиджаза. Призванная обеспечить новые и новые доводы в пользу взглядов сторонников школ Куфы, Басры, Мекки или Медины, атрибуция *хадиса*, ссылка на его источник включала в себя упоминание поколения, предшествовавшего настоящему, затем поколения до него и так далее до самого Пророка. Взгляды, подкрепляемые таким образом, обычно отражали практику — иногда идеальное представление о ней — или обычай (*сунна*), разvившиеся в различных частях мусульманского мира.

Й. Шахт показал, как изменялись *иснады* многих *хадисов* и как параллельно с этим изменялись формы выражения. Части его работы, посвященные этому, выглядят наиболее убедительно, в чем у нас еще будет возможность удостовериться.

С другой стороны, не столь убедительно выглядит его предположение о первичных источниках учений, отраженных в приведенных им *хадисах*. Одной из задач Й. Шахта была разработка метода, позволяющего использовать «правовые» *хадисы* для

определения этапов развития правовых учений, в особенности в ранний период. Тщательно анализируя *иснады* и обращая внимание на *иснады*, пересекающиеся на определенных звеньях цепи передатчиков (в тех случаях, когда мы располагаем несколькими версиями *хадиса*), Й. Шахт смог датировать многие *хадисы*. Используя свой метод на материале «правовых» *хадисов*, Й. Шахт пришел к выводу, что все они могут быть датированы примерно 100 г.х.; следовательно, мусульманская правовая мысль стала оформляться примерно в этот период — в эпоху правления Умайядов.

Таким образом, утверждает Й. Шахт, мусульманское право возникло из обычаев и практики управления, принятых в эпоху Умайядов, одобренных, измененных или вовсе отвергнутых учеными мужами. Но здесь Й. Шахт делает две оговорки. Во-первых, между «древними школами права» существовали существенные различия; исследователь объясняет это тем, что в различных частях Халифата бытовали различные правовые нормы: вся власть в провинциях принадлежала наместникам, и судьи были людьми наместника. По этой причине в разных городах одни и те же правовые вопросы могли получать разные решения.

Во-вторых,

хотя в то время правящая династия и большая часть высшего сословия исповедовала ислам и соблюдала элементарные предписания, содержащиеся в Коране, мы не можем говорить о мусульманском праве эпохи Умайядов. Мусульманское право появилось тогда, когда оно появилось как практическая деятельность. Можно доказать, что правовые нормы, основанные на Коране и представляющие нечто более сложное, чем буквальное повторение его текста, стали частью системы права уже на последующих этапах его развития.²⁵

Как уже указывалось выше, Й. Шахт пользовался материалом из «правовой» сферы. Наибольшее внимание он уделял вопросам торговли, финансов и налогообложения, имущественным правам, правилам заключения сделок, договоров, обмена и т. д. Без сомнения, эта сфера общественной жизни, теснейшим образом связанная с практической деятельностью, вполне закономерным образом

²⁵ Schacht J. Origins of Muhammadan Jurisprudence. Oxf., 1950, p. 191.

Мусульманское предание: введение в хадисоведение

определялась укоренившимися в той или иной местности обычаями; понятен и интерес к таким обычаям правительства, проявлявшийся в издании указов и предписаний, которые, в свою очередь, вели к возникновению споров и дискуссий в среде ученых. Отдельно нужно сказать о проблеме определения источников хадисов (и, следовательно, их датировке). Относя время возникновения мусульманской юриспруденции (которая обусловила формирование мусульманского права в целом) к эпохе Умайядов, Й. Шахт не исключал возможности того, что она может включать в себя и более ранние элементы. Такой вывод можно сделать из его утверждения о том, что датировка *иснада* и датировка *хадиса* — это не одно и то же. Выше мы уже писали о том, что *иснад* начали использовать в то время.

Но ссылки Й. Шахта на практику управления или обычай эпохи Умайядов являются лишь ничем не подкрепленными предположениями. Автор не приводит ни одного конкретного примера и везде использует слова «возможно», «по всей видимости» и т. д. В некоторых случаях он признает, что слова аш-Шафи‘и и его противников о том, что часть установлений — это лишь указы наместников, суть часть полемики различных научных школ.²⁶ Следует заметить, что в случае подобных обвинений оспариваемые взгляды рассматривались как мнения отдельных людей и поэтому не могли считаться частью Сунны. Это был *ra‘й*, который нужно отвергнуть. Такие взгляды и принятые на их основе решения были взглядами людей, и им не было места в стройной системе, отражающей данный Богом закон. Снова напомним процитированный отрывок И. Гольдциера о том, что в исламе вся частная и общественная жизнь должна подчиняться законам, признанным религией.

Среди бесчисленных вопросов, бывших предметом горячих споров мусульманских ученых, многие из них представляли особый интерес и для правителей общества, например: размер виры; размеры налогов и виды товаров, подлежащих налогообложению; раздел военной добычи; организация внутренней и внешней торговли; надзор за рынками; контроль мер и весов; регулирование цен; определение условий договоров, ссуд и кредитов; заключение

²⁶ Schacht J. Op. cit.

браха; разводы; наследование. Но это общество исповедовало ислам, и те, кто управлял им, были мусульманами. Так на какой же основе они должны были принимать свои решения, насколько свободны были они в принятии таких решений, даже при отсутствии контроля за ними со стороны общины верующих и особенно бдительных религиозных авторитетов? Правители правят. Но на чем зиждалась власть мусульманских владык? Сообщения о том, как первые халифы выносили решения по многим вопросам, как минимум, позволяют нам предположить, что эти решения рассматривались уже в качестве «указов». Первые халифы сами были либо сподвижниками Пророка, либо его последователями, лично встречавшимися и знавшими тех, кто присутствовал при произнесении Пророком откровений. В вопросе поиска источников *хадисов*, который так активно разрабатывал Й. Шахт, остается много неясного. Мы уже говорили, что отсылки исследователя на практику правления Умайядов являются лишь предположениями, связывающими ту или иную меру или указание с той или иной личностью прошлого. Здесь нужно помнить, что Сунна буквально означает «прецедент», и уже только из этого становится ясной необходимость обращения к прошлому. Й. Шахт показал, что указание источника *хадисов* обычно ничего под собой не имеет. Тогда зачем же нужно приписывать их тем, кто жил в эпоху Умайядов? Столкнувшись с проблемой невозможности проследить *иснады* в период до начала II в. х., Й. Шахт и выдвинул предположение о роли практики правления Умайядов. Но это предположение основывается исключительно на анализе *иснадов*, но никак не содержания *хадисов*. Итак, мы рассказали об основных достижениях И. Гольдциера, впервые подвергшего сомнению подлинность *хадисов*, и Й. Шахта, исследовавшего вопрос атрибуции *хадисов*. Но вопрос о происхождении *хадисов* остается открытым. Й. Шахт не пытался дать ответ на вопрос, как сформировалась «практика правления Умайядов»: возможно, он допустил ту ошибку, от которой сам же многих и предостерегал. «Практика», о которой говорили мусульманские ученые мужи, не просто отражает некий обычай. В ней содержится и теоретическая, или идеалистическая, составляющая.²⁷

²⁷ Loc cit., p. 68.

Й. Шахт решил ограничить свое исследование лишь непосредственно правовыми вопросами. Использованный им материал составлял лишь малую часть *фикха*, при этом выборка материала диктовалась западноевропейскими представлениями о праве; возможно поэтому исследователь не смог до конца осознать, что *фикх* в первую очередь есть отражение того, что выше мы назвали «академическим упражнением», бумажной войной, исходный материал для которой брался из толкований текста Священного Корана.

Подобно И. Гольдциеру, Й. Шахт обращал внимание прежде всего на расхождения в Сунне. Расхождения были его отправной точкой. Критический анализ хадисов и особенно их *иснадов*, привел к тому, что ученый начал считать «практику» Умайядов исходным материалом мусульманских правоведов. Работа над этим материалом и привела к формированию того, что мы сейчас называем мусульманским правом. Й. Шахт свел к минимуму роль Корана в этом процессе; вероятно, это было обусловлено тем, что он исследовал вопросы, о которых в Священной Книге мусульман говорится очень кратко. С другой стороны, в Коране обо всем говорится кратко. Это напрямую связано с самой сущностью Сунны. Те темы, которыми интересовался Й. Шахт, развивались в рамках Сунны. Но в рамках Сунны развивалось подавляющее большинство вопросов, о которых идет речь в *фикхе*. Важно подчеркнуть, что мы говорим именно о развитии. То, что содержится в Коране, может быть лишь беглым замечанием, но это не умаляет того факта, что одно лишь упоминание служит вполне резонным поводом для споров, от участия в которых не мог воздержаться ни один уважающий себя ученый муж.

Мы неоднократно упоминали о том, что Й. Шахт подчеркивал значение практики. По его мнению, споры о *хадисах* или даже начало этих споров было обязано своим появлением «практике» Умайядов. С другой стороны, когда подробное обсуждение вопроса, связанного, например, с правилами заключения брака, сопровождается многочисленными ссылками на Коран, включая варианты чтений, передаваемые несколькими сподвижниками Пророка, заставляет нас искать корень спора в Коране, Й. Шахт пытается говорить о «практике» доисламских арабов. То, что та или иная практика находит отражение в источнике, свидетельствует, согласно Й. Шахту, о том, что такая «практика» существовала. Если

источником является Коран, то «практика» должна восходить к доисламской эпохе, в Коране она лишь получает одобрение.²⁸ В таких случаях Й. Шахт не видит необходимости анализировать *хадисы* и их *иснады* с той же тщательностью, с которой он анализировал *хадисы*, использовавшиеся в спорах о Сунне.

Самые ценные открытия Й. Шахта связаны с историей мусульманской юриспруденции. Если говорить об исследовании роли Сунны в развитии теории мусульманского права, то работа этого исследователя вряд ли утратит свое значение, во всяком случае, в ближайшем будущем. Остается непревзойденным анализ проблемы атрибуции *хадисов*, из которого видно, насколько блестяще Й. Шахт владел материалом. Если нам и удастся усмотреть какой-либо недостаток в работе Й. Шахта, то его можно объяснить тем, что автор сконцентрировал свое внимание лишь на одном виде исторических документов — Сунне, в то время как ученые мужи, которые создавали *фикх*, основывались и на Коране, и на Сунне. Довольно мало внимания Й. Шахт уделил роли Корана в развитии мусульманского права. В его работе отсутствует анализ *иснадов* тех *хадисов*, в которых речь идет о Коране; исследователь недооценивал то значение, которое могли иметь такие *хадисы* для мусульман.

Й. Шахт представляет развитие *фикха*, протекающего в рамках письменной традиции, как часть законотворчества, точкой отсчета которого была исторически сложившаяся практика.

В средние века ислам был культурой письменности больше, чем какая-либо другая культура, и ниже речь пойдет о роли экзегетики, которая в значительной степени была источником ее формирования. Поиск ответа на вопрос о происхождении Сунны должен включать в себя изучение и тех *хадисов*, которые согласуются друг с другом, и тех, которые противоречат друг другу. Можно предположить, что общим фактором в данном случае была неясность многих коранических откровений, заставлявшая людей прилагать недюжинные усилия в поиске ответов.

²⁸ Schacht J. Op. cit., p. 266 ff.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение: хадисоведение	5
Глава I. Миссия Пророка	26
Мекканский период.....	26
Хиджра.....	33
Глава II. Мусульманское Предание.....	45
ал-Хадис	60
Глава III. Политическая сторона Предания.....	69
Глава IV. Изучение Предания.....	94
«Чистая экзегетика»	94
Прикладная экзегетика: чтение 'Умара	98
Обязательная молитва (<i>салат</i>)	100
Противоречивые <i>хадисы</i>	101
Сновидения	104
Молитвы в Мекке	104
Молитва путешествующих.....	106
Объединение молитв.....	107
Пост	110
Временный брак: <i>мут'а</i>	111
<i>Нийя</i>	120
<i>Ихрам</i>	121
Использование красителей	124
Брак во время паломничества	126
Наказание за прелюбодеяние	131
Глава V. Богословская сторона Предания	145
Муса против Адама.....	148
Лицеэрение Бога	151
Пророческие чудеса	152
Различные этические предписания	156
Отголоски	161

Оглавление

Глава VI. Проверка подлинности сообщений Предания	165
Классификация хадисов.....	172
Появление иснада.....	180
Глава VII. Сборники хадисов	184
Примеры методики.....	195
Абу Да'уд.....	195
ат-Тирмизи	197
Абу Да'уд.....	198
Применение принципов знатоков.....	200
Запутанные хадисы	210
Подделка хадисов	219
Глава VIII. Подход западных исследователей к изучению Предания	224
аш-Шафи'i и «источники знания»	231
Глава IX. Заключение: <i>иджма'</i> против <i>сунны</i>	236
Оценка Предания.....	252
Эпилог	265
Глоссарий.....	270
Библиография	279
Литература для дальнейшего чтения	282
Указатель коранических <i>айатов</i>	287
Общий указатель	289

Фирма «ДИЛЯ»

приглашает к сотрудничеству книгорговые организации,
а также на конкурсной основе авторов и правообладателей.

Санкт-Петербург: тел./факс (812) 378-39-29
Москва: тел. (095) 261-73-96

198095, Россия, СПб., Митрофаньевское ш., д. 18 лит. «Ж»

www.dilya.ru

E-mail: [\(Санкт-Петербург\)](mailto:spb@dilya.ru)

[\(Москва\)](mailto:mos@dilya.ru)

Уважаемые читатели!

*Книги «Издательства «Диля» вы можете приобрести
наложенным платежом, прислав вашу заявку по адресам:*

190000, СПб., а/я 333, «Невский Почтовый Дом», тел. (812) 434-91-39

E-mail: nevpost@yandex.ru

*почтовый каталог книг «Издательства «Диля» высылается бесплатно,
а также:*

192236, СПб., а/я 300 ООО «Ареал», тел. (812) 774-40-63

E-mail: postbook@areal.com.ru

Просьба не забывать указывать свой почтовый адрес, фамилию и имя.

Джон Бёртон

**МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРЕДАНИЕ:
Введение в хадисоведение**

Ответственный за выпуск С. С. Раимов

Художественный редактор И. Н. Фатулаев

Корректор Л. Г. Алёшичева

Оформление К. Б. Муганлинский

ИД № 06073 от 19.10.2001.

Подписано в печать 22.11.05. Гарнитура «Times».

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 24,70. Печать офсетная.

Тираж 2500 экз. Заказ № 6811.

ООО «Издательство «ДИЛЯ».

198095, Россия, СПб., Митрофаньевское ш., д. 18 лит. «Ж».

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор» им. А. М. Горького
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Книги
Издательства «ДИЛЯ»
можно приобрести:

МОСКВА	«Фирма «ДИЛЯ»	(095) 261-73-96
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	«Фирма «ДИЛЯ»	(812) 378-39-29 (только опт)
	«Фирма «ДИЛЯ»	(812) 567-31-96 (мелкий опт, розница)
ТУЛА	«Система-Плюс»	(0872) 31-29-23
КАЗАНЬ	ООО «Таис»	(8432) 72-34-55, 93-54-82
КАЛИНИНГРАД	«Книжный мир»	(0112) 45-07-11
КИРОВ	«Мир книги»	(8332) 25-82-52
АРХАНГЕЛЬСК	ЧП Тропин	(8182) 24-90-50
САМАРА	ООО «Мишель»	(846) 953-90-62
ЕКАТЕРИНБУРГ	«Валео Книга»	(343) 374-54-59
УФА	«Азия»	(3472) 50-39-00
НОВОСИБИРСК	«Топ-Книга»	(383) 336-10-26, 336-10-27
КИЕВ	ЧП Петров	(044) 452-11-61
РОСТОВ-НА-ДОНЕ	«Фаэтон-Пресс»	(863) 263-24-94
ХАБАРОВСК	«Мирс»	(4212) 22-71-24
ЧЕЛЯБИНСК	«Интерсервис»	(3512) 21-33-74, 21-34-53
МИНСК	«Современное слово»	(37517) 238-38-52, 242-07-52,
МУРМАНСК	«Тезей»	(815-2) 43-76-94, 45-69-82